

О.Б.Леонтьева*

**ВОЛГА КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ
XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.**

образ Волги прочно вплетен в ткань отечественной культуры: от ее глубоких фольклорных пластов до современной массовой культуры. Волгу без преувеличения можно назвать самой песенной из российских рек; едва ли какой-нибудь другой реке посвящено столько песен – от проникновенных народных «Вниз по Волге-реке», «Вниз по матушке по Волге», «Волга-реченька глубока» и знаменитой «Из-за острова на стрежень» Д.Садовникова до таких шедевров песенной культуры XX в., как «Песня о Волге» И.Дунаевского и В.Лебедева-Кумача и «Издалека, долго течет река Волга» М.Фрадкина и Л.Ошанина. Волжские пейзажи И.И.Левитана, И.Е.Репина или М.В.Нестерова воспринимаются как типично русские ландшафты; сравнения могучей и величавой реки с русским народным характером стали расхожим литературным приемом. Все это наглядно свидетельствует, что Волга для российской культуры является «местом памяти» – не только географическим, но и символическим объектом, одной из важных составляющих российской/русской идентичности.

Но было ли так всегда?.. Какую роль играл образ Волги в сознании российского общества сто или двести лет тому назад?.. Какое место занимала великая река на «ментальной карте» Российской империи – в сфере географических и исторических представлений россиян того времени?.. С какими сюжетами и образами была связана Волга в исторической памяти общества, и какую роль сыграли эти образы в формировании коллективной идентичности?.. Поиск ответов на эти вопросы, как нам представляется, позволит глубже и многограннее оценить особенности того исторического пути, который прошло Поволжье со времени вхождения этого огромного региона в состав Российского государства.

В последние десятилетия для исторической науки стала актуальной проблема того, как формируется самосознание общества; как и почему – в силу каких причин – люди начинают осознавать себя членами тех или иных сообществ (здесь можно вспомнить такие классические исследования, как «Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма» Б.Андерсона или «Из крестьян во французы: модернизация сельской Франции, 1870-1914» Ю.Вебера)¹. Яркие и интересные работы по-

* © Леонтьева О.Б. – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

священы формированию в обществе представления о «своих» и «чужих», о разделяющей их грани; первопроходцем в этой сфере исследований стал американский ученый Э.Саид, проследивший в своей классической работе «Ориентализм» историю формирования образов Востока, стереотипов его восприятия в культуре Запада². Наконец, особым направлением современной науки стало изучение так называемой «воображаемой географии» – образов определенных регионов и населяющих их народов, сложившихся в сознании людей той или иной эпохи³.

На наш взгляд, интересная перспектива изучения образов различных регионов открывается, если исследовать их в контексте формирования исторического сознания XIX – начала XX в. Под историческим сознанием мы, вслед за М.А.Баргом и Л.П.Репиной, понимаем сложное, многоуровневое единство исторической мысли, профессионального историописания и мира художественных, образных представлений о прошлом, свойственных той или иной эпохе⁴. Такой подход позволяет исследователю не отделять друг от друга профессиональную историческую науку и художественную культуру, а, напротив, выявлять то, что их объединяло, проследить развитие тех или иных сюжетов, тем или образов – от научных исследований до художественных текстов и даже произведений изобразительного искусства. Проследив, как те или иные географические образы приобретали в общественном сознании статус «мест памяти», мы приблизимся к пониманию внутренних механизмов формирования коллективной идентичности: не только региональной, но также национальной и общегосударственной (применительно к XIX в. – имперской).

При рассмотрении этих проблем следует учитывать двойственное положение Поволжья в геополитической, административно-управленческой и социально-экономической структуре империи – как «внутренней окраины», где вплоть до начала XX в. шли процессы «внутренней колонизации», решались проблемы аккультурации «иностранцев» и поиска оптимальной формулы имперской национальной и культурной политики. Как пишет об этом современный историк, «важным условием адаптации присоединенных территорий было их ментальное освоение, т.е. «привыкание» к их факту пребывания в составе государства, расширение знаний о них, формирование образов и стереотипов различных местностей в общественном сознании и культуре России»⁵. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, как отразился двойственный статус «внутренней окраины» на том образе Волги, Поволжья и волжан, который конструировался в российской исторической культуре на протяжении XIX – начала XX вв.

Следует учитывать, что в культуре изучаемого периода, безусловно, сохранялись «геологические напластования», унаследованные от более ранних эпох. Древнейшим из этих культурных пластов были мифологические представления местных финно-угорских, тюркских и славянских народов. Так, предпринятое В.В.Трепавловым изучение образа Волги в мифологии и фольклоре местных народов (русских, чувашей, марийцев, мордвы, татар, башкир, ногаев и других) показывает, что для всех этих народов был харак-

терен своеобразный культ Волги, что образ реки входил в их «сакральную топографию» – систему религиозно-мифологических и космологических представлений. Во-первых, Волга выступала в фольклоре в качестве мифологического антропоморфного персонажа, который находится в родственных отношениях с другими потоками и водоемами. Во-вторых, распространенной темой этногонических преданий был сюжет «обретения родины на Волге»: Волга представала не как изначальная колыбель того или иного народа, но скорее как «край ойкумены», куда пришел странствующий народ (например, чуваша или ногаи) после долгих испытаний. И наконец, Волга выступала в качестве символического рубежа, границы между различными и часто враждебными друг другу мирами. Так, в раннем русском фольклоре левый берег Волги фигурировал как место кочевий кипчаков и золотоордынцев, поэтому «переправа с правого берега на левый означала для русских вступление в пространство зла и хаоса, а обратная переправа сулила возвращение на родину». В фольклоре более позднего периода, отразившем «разбойную «колонизацию» безлюдного Поволжья» силами вольных казаков, изгоев и беглецов, Волга выступала как символическая граница «между несвободой (порядком, государственностью) и волей (хаосом)»⁶.

Как мы увидим далее, все эти мифологические и символические мотивы перешли и в культуру более поздних периодов. Так, в исторических произведениях эпохи становления централизованного Московского государства – в первую очередь, в «Казанской истории» и в других повестях и сказаниях о «Казанском взятии», которые были чрезвычайно важны для обоснования политической легитимности молодого государства, – Волга представала прежде всего как территория политического и религиозного противостояния между Русью и Ордой, как граница между миром православного христианства и иноверия. Соответственно и победа царя Ивана Васильевича над Казанью интерпретировалась как полная и радикальная смена статуса средневожских земель в религиозной картине мироздания: начало превращения «темного и нечестивого царства» в «царство благочестивое», где отныне должны стоять «церкви Божии христианские»⁷.

Показательно, что два столетия спустя поворот Екатерины II к политике религиозной толерантности был связан с ее путешествием по Волге в 1767 г., включавшим посещение Казани, чье «многонародие» приятно поразило императрицу. Как отмечает Г.В.Ибнеева, во время путешествия Екатерина II «символично «покоряла» подвластные ей земли, но, в отличие от Ивана Грозного, покоряла не огнем и мечом, а своим обаянием и распространением благотворных идей Просвещения»⁸. Широко известно, что во время Пугачевского восстания Екатерина называла себя «казанской помещицей», подчеркивая свою солидарность с местным дворянством; в 1773 году был создан портрет императрицы в образе «казанской помещицы» работы английского гравера У.Дикинсона с оригинала В.Эриксона⁹. Эти действия символически маркировали территорию Поволжья как «свою», как неотъемлемую часть многоликого и разнообразного пространства Российской империи.

В исторических трудах XVIII в. – от В.Н.Татищева до М.М.Щербатова и И.Н.Болтина – при обращении к волжским сюжетам на первый план выходил мотив поиска прародины и этнокультурных корней: Волга фигурировала там как территория древнего обитания и зона миграций многих народов Европы и Азии (от сармат и скифов до болгар, хазар и половцев), знание истории которых «весьма потребно к изъяснению начал российских», – в том числе и как место, где «славяне.. весьма давно обитали»¹⁰.

В «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина – произведения, которое на многие десятилетия вперед сформировало круг представлений о родной истории в сознании образованных россиян, – Волга выступает как демаркационная линия между «образованной Европой» и грозной, непредсказуемой Азией: «Восточная страна нынешней Российской Монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжение многих столетий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных, различные, может быть, языком, но сходные характером, образом жизни и свирепостию. Все были кочующие; все питались скотоводством и звериною ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки – и все они исчезли в Европе, кроме Угров и Турков»¹¹. При этом волжское пространство в восприятии историка явным образом распадается на две неравные части. Верхняя Волга – от истоков до Нижнего Новгорода, – представлена в «Истории государства Российского» как «свое» пространство, часть русской земли, территория, где, если и шла борьба за политическое верховенство – это была борьба между самими русскими: Суздаlem и Великим Новгородом, Москвой и Тверью. Среднее же и нижнее течение Волги – от Нижнего Новгорода и до устья – предстает в «Истории государства Российского» как «неприятельская земля», «земля, столь долго для нас бедственная»¹², которую Российское государство должно было «покорить», радея о собственной безопасности. Завоевание Казанского и Астраханского ханств интерпретировалось историком как поворотный момент в судьбе Российского государства, сумевшего восторжествовать над недавними противниками и расширить свои владения: Карамзин сравнивал «достопамятную осаду Казанскую» с «Мамаевою битвою» как «славнейший подвиг древности, известный всем Россиянам»¹³. Но и после «покорения», подчеркивал историк, Российскому государству приходилось «усмирять» и «обуздывать» на берегах Волги бунты «свирепых, диких» народов – «мятежную Черемису, Астрахань, Ногаев», а заодно и «хищных Козаков»¹⁴. Так или иначе, Волга на страницах всей «Истории государства Российского» выступала в качестве границы между «своим» и «чужим», между миром порядка и миром хаоса.

Образ Волги обогатился новыми оттенками в первой половине XIX в., когда в российской исторической памяти особую роль стали играть сюжеты, связанные со Смутным временем. Как отмечает А.Л.Зорин, за период с 1806-1807 гг. по 1830-е гг. (то был бурный отрезок отечественной истории – от Тильзитского мира до Польского восстания) «поход Минина и Пожарского на Москву и Земский собор 1613 г. были окончательно канонизирова-

ны как мифологическое возникновение российской государственности», как «ключевое событие народной истории», показательный пример «народного единодушия» перед лицом общей угрозы¹⁵. Воспоминания о Костроме и Верхней Волге как о символической колыбели дома Романовых играли важную роль в сценариях династической лояльности, в частности, при выборе маршрутов монарших путешествий по империи: как говорил император Александр II, «Кострома близка семье моей, и мы считаем ее родной»¹⁶. Тот факт, что народное ополчение под командованием Минина и Пожарского было создано именно в Поволжье, и что еще один официально канонизированный «спаситель престола» – Иван Сусанин – также был волжанином, существенно повлиял на образ Волги в исторической культуре. В XIX в. образы героев Смутного времени получили зримое мемориальное воплощение, причем не только в первопрестольной столице, но и на Волге: в 1818 г. на Красной площади в Москве был воздвигнут знаменитый памятник «гражданину Минину и князю Пожарскому» работы И.П.Мартоца; в 1828 г. обелиск в честь Минина и Пожарского был установлен на территории Нижегородского Кремля; в 1851 г. в Костроме появился памятник царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину работы В.И.Демут-Малиновского (в 1967 г. его заменили другим памятником, где представлен только Сусанин, без царя). Наконец, в 1862 г. Михаил Федорович, князь Пожарский, Козьма Минин и Иван Сусанин были увековечены среди других исторических персонажей на втором и третьем ярусах монумента «Тысячелетие России» работы М.О.Микешина, И.Н.Шредера и В.А.Гартмана, воздвигнутого в Великом Новгороде.

Декабристы, предлагавшие перенести столицу в Нижний Новгород, руководствовались не только экономическими и географическими соображениями (тем, «что сей Город в середине России расположен», «что стоя на Волге и Оке он всех прочих удобнее для внутренней Торговли», «что Макарьевская Ярмонка соединяет Европу с Азией»), но и национально-патриотическими идеями, представлением об особой роли этого волжского города в истории России: тем, «что освобождение России от ига иноплеменного чрез Минина и Пожарского из сего города изошло»¹⁷. Следовательно, образ Верхней Волги был включен в формирующийся национально-романтический дискурс, стержнем которого были идеи единоплеменной, доблестной и стоической борьбы народа-нации с внешним врагом.

В середине XIX в. в исторической науке России происходят существенные перемены: существенную роль в теоретико-методологических построениях российских историков стали играть идеи географического детерминизма. Вопрос о значении природно-климатического и географического факторов истории был глубоко разработан в трудах крупнейшего российского историка XIX в. – С.М.Соловьева; ученый считал «природу страны» одной из определяющих сил истории, а колонизацию новых пространств – стержневой линией российской истории (вспомним его знаменитое определение: «древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»)¹⁸. В знаменитой главе «Россия перед эпохою преобразований», от-

крывавшей тринадцатый том его труда «История России с древнейших времен», Соловьев, определяя особенности «движения русской истории» в XIII–XIV вв., дал образную характеристику роли Волги в отечественной истории. «Как скоро историческая жизнь отливает на восток, в области верхней Волги, – писал он, – то связь с Европою, с Западом, необходимо ослабевает и порывается не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно на восток, обращено все»¹⁹. Точность исторического наблюдения – река задает направление колониционному движению народа – сочеталась здесь с метафоричностью: течение могучей реки представало как олицетворение хода самой русской истории.

Само завоевание Россией волжских просторов, по мысли Соловьева, проходило в атмосфере непрерывной борьбы – как с внешними, так и с внутренними опасностями. Он подчеркивал, что и после завоевания Казани и Астрахани Поволжье не было усмирено: «вместо татар немедленно же поднимается здесь козачество», чье «гулянье по Волге не давало безопасности ни своим, ни чужим». Казаки на страницах «Истории России с древнейших времен» представляли как одна из важнейших угроз для крепнувшего Российского государства, Волга – как постоянный источник нестабильности, опасности, грозящей «опрокинуться на государство»²⁰. Соловьев, в отличие от многих деятелей культуры XIX века, не питал никаких симпатий к казачеству: он говорил о нем как о праздной массе, «охотниках до гулянья», «людях, которые хотели жить на чужой счет» и чинили разбой «в самых ужасающих размерах, с неслыханной ненавистью к мирному труду, к гражданину-труженику, к земскому человеку»²¹. Берега Волги на страницах соловьевской «Истории России» превращались в арену решающего, кровавого столкновения формирующихся государственных отношений с отжившей свое, но цепко державшейся за жизнь анархической казачьей вольницей; Волга, как и в фольклорных текстах, выступала в качестве одного из символических рубежей между миром порядка и миром хаоса.

Идеи Соловьева о значении для русской истории колониционных процессов, в том числе и колонизации Поволжья, сыграли огромную роль в дальнейшем развитии отечественной исторической науки. Значение колонизации новых пространств для формирования государственности и социального устройства, этнографического типа и хозяйственного уклада русского народа подчеркивали В.О.Ключевский и А.П.Щапов, М.К.Любавский и С.Ф.Платонов. (Как известно, Ключевский был убежден, что именно расселение выходцев из Киевской Руси в междуречье Оки и Верхней Волги – с его коренным финно-угорским населением, со скудной природой и капризным, переменчивым климатом – решающим образом повлияло на становление «психологического облика великоросса»)²².

В программном историческом очерке С.В.Ешевского колонизация русским народом «громальной равнины северо-восточной Европы» рассматривалась не только как расселение «вширь», но прежде всего как процесс

формирования «русского племени» за счет его «слияния» с «теми племенами, которые встречались ему на пути». Историк считал, что, «принимая в себя чуждые племена, претворяя их в свою плоть и кровь», русский народ выполнял великую историческую миссию – распространения на Восток европейской цивилизации, несущей миру «двойной светоч христианства и образования»²³.

В Поволжье, по мнению Ешевского, эта историческая задача решалась пошагово, в несколько этапов. Колонизация русскими Верхнего Поволжья, а также нижнего и среднего течения Оки, как писал ученый, не носила насильственного характера: «финские племена», издревле проживавшие в этих краях, «обрусели» сами вследствие долговременного соседства с русскими²⁴. Напротив, в Среднем Поволжье, подчеркивал Ешевский, дорогу русской колонизации приходилось проторять оружием; в силу этого труднее шли процессы «подчинения племен средней Волги влиянию русской народности и русской гражданственности». «Обрусение» финно-угорских народов в регионе происходило почти так же легко, как и на Верхней Волге: они перенимали «с христианством и русский язык, и русские нравы». Но там, где русское население «соприкасалось с народностью, уже резко обозначенную, ... с племенем, в религиозных верованиях сознававшим основу своей особенности» (например, с татарами), – оно «не пыталось насильственно сломить это упорное сопротивление», предоставляя завоеванным народам оставаться самими собой. Тем самым сохранялась и закреплялась на будущее пестрота национального состава региона, «чересполосный» характер расселения разных народов²⁵. Наконец, в Нижнем Поволжье, подчеркивал историк, колонизация была наиболее трудна: здесь государству и русским поселенцам противостояли «подвижные орды кочевников», которые лишь с большим трудом удалось оттеснить в степь к югу и юго-востоку²⁶. В целом же освоение Поволжья представляло под пером Ешевского как длительный, комплексный процесс, включавший в себя завоевание, заселение и «обезопасение» вновь присоединенных земель, а также поэтапное и осторожное вовлечение местного населения в орбиту влияния «славянской народности» и европейской цивилизации. Волга, как и у Карамзина, фигурировала здесь в качестве условной границы между Европой и Азией; но эта граница трактовалась Ешевским как подвижная и гибкая, постепенно отодвигавшаяся все дальше к юго-востоку.

В то время как С.М.Соловьев и С.В.Ешевский рассматривали присоединение Поволжья к России с точки зрения государственных интересов, альтернативный подход представили приверженцы народнически-демократического дискурса, сформировавшегося в исторической культуре пореформенной России. С их точки зрения, интересы народа и государства в отечественной истории часто противоречили друг другу; термин «народ» в те годы все чаще употреблялся не в значении «народ-нация», а в значении «низший слой населения, преимущественно крестьянство»²⁷. Поэзия Н.А.Некрасова (которого наряду с П.Л.Лавровым и М.А.Бакуниным можно по праву считать отцом-основателем народничества), живопись передвиж-

ников, проза и публицистика «Современника» и «Отечественных записок» закрепили в сознании образованного читателя представление о родной истории как о хронике народных страданий, где роль врага-угнетателя играли не иноземные захватчики, а собственное крепостническое государство или же «высшие классы». В художественной культуре пореформенного общества был ярко воплощен образ Волги как средоточия скованной народной мощи: достаточно вспомнить, например, «бурлацкую тему» в творчестве Н.А. Некрасова и И.Е. Репина («Волга, Волга!.. Весной многоводной / Ты не так заливаешь поля, / Как великою скорбью народной / Переполнилась наша земля...»)²⁸.

Соответственно народными героями в глазах пореформенной интеллигенции становились те, кто поднимал восстания против собственного крепостнического государства и правящей элиты – против «бар», «панов» или «господ»; обращаясь к истории народных восстаний, деятели культуры искали в ней доказательства стихийного свободолюбия русского народа. В трудах историков демократического направления – Н.И. Костомарова, Д.Л. Мордовцева и других – Среднее и Нижнее Поволжье выступало в качестве оплота социального протеста, где, хотя бы ненадолго, могли быть воплощены казачьи демократические идеалы, народные представления о справедливости²⁹. Волжская вольница стала восприниматься теперь как опыт практического воплощения народной Правды, антагонист самодержавного государства, основанного на угнетении и порабощении. Примечательно, что география «хождения в народ» в 1873-1875 гг. охватывала именно те регионы, где, по расчетам социалистов-народников, у населения должна была сохраняться историческая память о казацкой вольнице: в том числе Среднее и Нижнее Поволжье³⁰.

Вождю самого мощного и кровопролитного народного восстания, разыгравшегося на волжских берегах, – Степану Разину, – в пореформенной культуре было посвящено множество художественных произведений в самых разных жанрах: от исторических романов и живописных полотен до стихов и песен. Образ Разина, неразрывно связанный с Волгой и волжскими «местами памяти», трактовался как персонифицированное воплощение неукротимого народного стремления к «воле-волюшке» – и именно в силу этого стал одним из ключевых образов исторической памяти пореформенного общества. К сюжету восстания Степана Разина активно обращались народники в агитационной литературе; на вечеринках оппозиционных кружков непременно пели песню «Утес Стеньки Разина» («Есть на Волге утес...») на слова народника А. Навроцкого. Именно песне о Разине на стихи симбирского этнографа Д.Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень» (с ее эмоциональной кульминацией – «Волга, Волга, мать родная, Волга, русская река...») суждено было стать одним из культовых текстов русской культуры, важнейших знаков-символов национальной идентичности³¹.

Образ Поволжья, формировавшийся в сознании образованной элиты второй половины XIX в., явно приобретал утопические черты: простран-

ства, где можно обрести желанную волю. Характерно, что в пореформенной культуре сложился не только народнический, но и почвеннический вариант мифа о Волге как о месте воплощения народных чаяний. В дилогии П.И.Мельникова-Печерского о старообрядцах именно Заволжье (Керженские скиты в Нижегородской губернии) представало как чудом уцелевший островок «исконной, кондовой Руси», как мир древнего благочестия, где «Русь сысстари на чистоте стоит»: это была утопия, построенная вокруг идеи поиска подлинно народной религиозной веры³². Тем важнее подчеркнуть, что и тема разрушения традиционного народного уклада жизни в пореформенной литературе тоже зачастую разрабатывалась на поволжском материале. Волга, наряду с другими «внутренними окраинами» империи (например, Уралом и Сибирью), описывалась в русской литературе – от А.Н.Островского до А.М.Горького – как один из регионов успешного капиталистического предпринимательства; мотив непочатой мощи русского народного характера и «вольной воли» волжских просторов оборачивался в таком случае другой гранью, мир поволжских городов с их купеческими династиями представал как поле столкновения самобытных и сильных характеров (в том числе женских), готовых идти до предела в своем самоутверждении и в борьбе за место под солнцем.

Можно констатировать, что представления о месте Волги на воображаемой карте Российской империи формировались постепенно, и что этот процесс был неоднозначен по своей сути. В научной литературе, в идеологических дискурсах, в различных жанрах искусства Поволжье описывалось не как целостная территория, а скорее как совокупность нескольких исторически сложившихся регионов, которые существенно различались по характеру природы и населения, имели свою неповторимую судьбу и входили в состав Российского государства при различных исторических обстоятельствах. Если Верхняя Волга с самого начала XIX в. трактовалась в искусстве и исторической литературе как «своя» земля, то Среднее и Нижнее Поволжье (бывшая территория Золотой Орды) стали восприниматься в этом качестве лишь во второй половине XIX столетия. Это был пример успешного ментального освоения, имагинативной колонизации изначально «чужого» пространства, которое с ходом времени становится «своим».

К началу XX в. образы Волги и Поволжья вошли составной частью в самые разнообразные сценарии коллективной идентичности российского общества: имперско-династический сценарий, основанный на идее лояльности престолу; национально-романтический, построенный вокруг сюжетов героической борьбы народа-нации с внешними врагами; народнически-демократический, для которого стержневой была идея социальной справедливости, блага простого народа. Соответственно ценностное наполнение этих географических образов могло быть диаметрально противоположным: великая река представала то как щит государственности и вотчина правящей династии, то как оплот казачьей вольницы, то как край исконной народной веры... Но в любом случае Поволжье стало восприниматься как некий заповедный регион, где можно прикоснуться к истокам русской

народной души, чью широту и мощь воплощал визуальный образ могучей полноводной реки. Превращение Волги в один из ключевых символов государственной и русской национальной идентичности было успешно завершено.

Примечания

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Weber, Eugen J. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870-1914. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1976.

² Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. СПб.: «Русский мир», 2006.

³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. М.: «Новое литературное обозрение», 2003.

⁴ Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С.12-13; Репина Л.П. Историческое сознание и историописание // Там же. С.3-11.

⁵ Трепавлов В.В. Введение // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XII-XIX вв.) Тула: Гриф и К, 2011. С.4.

⁶ Трепавлов В.В. Волга-матушка = Ана Идель // Образы регионов в общественном сознании и культуре России. С.14-37.

⁷ Казанская история / Подгот. текста и перевод Т. Ф. Волковой, комментарии Т.Ф.Волковой и И.А.Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С.Лихачева, Л.А.Дмитриева, А.А.Алексеева, Н.В.Понырко. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век.

⁸ Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 г.: узнавание империи // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 87-104. См. также: Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009.

⁹ Портрет известен также как «портрет Екатерины II в кокошнике» или «портрет Екатерины II в русском костюме». – Дикинсон У. Портрет Екатерины II в русском костюме: [с ориг. В. Эриксона] // Русское искусство. 2011. № 2 (апрель-июнь). С. 20: грав. (1).

¹⁰ Татищев В.Н. Собр. соч. в 8 т. Т.1: История Российская. Часть 1. М.: Научно-издат. центр «Ладомир», 1994. С. 184, 276, 278-279.

¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринт. воспр. изд-я 5-го, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П.М.Строева. Кн.1: Тома I, II, III, IV. М.: «Книга», 1988. Т.1. С.87-88; Кн.3: Тома IX, X, XI, XII. М.: «Книга», 1989. Т. X. С.14-15.

¹² Там же. Кн.2: Тома V, VI, VII, VIII. М.: «Книга», 1989. Т.VII. С.79.

¹³ Там же. Т.VIII. С.95.

¹⁴ Там же. Кн.3: Тома IX, X, XI, XII. Т.IX. С.129-130, 245-246; Т.X. С.14-15.

¹⁵ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: «Новое литературное обозрение», 2001. С.159-186, цит.с.161.

¹⁶ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. М.: ОГИ, 2004. Т.2: От Александра II до отречения Николая II. С.98 (путешествие Александра II в 1858 г.), 153-154 (путешествие наследника престола Николая Александровича в 1863 г.), 288-290 (путешествие Александра III в 1881 г.), 628-642 (поездка Николая II в 1913 г. как часть празднования 300-летия дома Романовых).

¹⁷ Пестель П.И. Русская Правда или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российскаго служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и содержащая Верный Наказ как для Народа так и для Временного Верховного Правления // Восстание декабристов. Документы. М.: Госполитиздат, 1958. Т.7. С.213.

¹⁸ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т.3-4. История России с древнейших времен. М.: «Мысль», 1988. С.631.

¹⁹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. Т.13-14. История России с древнейших времен. М.: «Мысль», 1991. С.24.

²⁰ Там же. С.43-44.

²¹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / Сост. и вступ. ст. С.С.Дмитриева. М.: Правда, 1989. С.437; Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн.IV: История России с древнейших времен. Т.7-8. М.: «Мысль», 1989. С.380.

²² Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в 3 кн. Кн.1. М.: «Мысль», 1993. С.276-280.

²³ Ешевский С.В. Русская колонизация Северо-Восточного края // Вестник Европы. 1866. № 1. С.216-217.

²⁴ Там же. С.234.

²⁵ Там же. С.234, 242.

²⁶ Там же. С.242, 253.

²⁷ См., напр.: Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет. Антология / П.Верт, П.Кабытов, А.Миллер, сост. М.: Новое издательство, 2005. С.444.

²⁸ Некрасов Н.А. Размышления у парадного подъезда // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 т. Т.2: Стихотворения 1855-1866 гг. Л.: «Наука» - Ленинградское отделение, 1981. С.49.

²⁹ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли», 1994. С.336; Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. В 2 т. СПб., 1867. Т.2: Понизовая вольница. С.7.

³⁰ Etkind, Alexander. Whirling with the Other: Russian Populism and Religious Sects // The Russian Review 62 (October 2003). P.565-588.

³¹ Одесский М.П. Волга – колдовская река: от «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Сост.: Абашев В., Белоусов А., Цивьян Т. М.: Языки славянской культуры, 2004.

³² Мельников-Печерский П.И. В лесах. Роман в 2-х кн. Кн.1. М.: «РИПОЛ», 1994. С.3-4.